

**Читайте романы новой звезды
криминальной мелодрамы
Марины Крамер!**

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут

Три женских страха

Убей свою любовь

Жена самурая

Все оттенки желаний

Жить на свете стоит

Последнее японское предупреждение

Я не ангел

Не верь, не бойся, отпусти!

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

Черная вдова, или Ученица Аль Капоне

Нежная стерва, или Исход великой любви

Первая леди города, или Между двух берегов

Госпожа страсти, или В аду развод не принят

Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце

Королева мести, или Уйти навсегда

Роскошная хищница, или Сожженные мосты

Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски

Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы

Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие

Визит с того света, или Деньги решают не все

Сериал «Танго под прицелом»

Мэри, или Танцы на лезвии

Марго, или Люблю-ненавижу

Алекс, или Девушки любят негодяев

Дар великой любви, или Я не умею прощать

Финальный танец, или Позови меня с собой

МАРИНА
КРАМЕР

Жена самурая

ЭКМО
Москва

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К 77

Оформление серии *С. Груздева*

Крамер, Марина.

К 77 Жена самурая : роман / Марина Крамер. — Москва : Эксмо, 2015. — 384 с. — (Королева преступных страстей. Криминальная мелодрама М. Крамер).

ISBN 978-5-699-78527-8

Жизнь Александры Гельман проста и понятна. Криминальное прошлое осталось далеко позади. Даже ее супруг Акела, бывший телохранитель известного авторитета Ефима Клеца, теперь занимается только домом и своими любимыми девочками — женой и дочкой. Лишь увлечение восточными боевыми искусствами и жизнь по кодексу японского самурая напоминают об экзотическом прошлом Акелы. Именно из-за этого хобби он снова попадает за решетку — в городе стали находить трупы бомжей с отсеченными головами. Как верная жена настоящего самурая, Александра должна спасти супруга от подозрений, и сделать это можно одним лишь способом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Крамер М., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78527-8

СОСЕДИ

Все имеет начало и конец.

ХАГАКУРЭ.
СОКРЫТОЕ В ЛИСТВЕ.

Алиса Власьевна, пожилая дама в потертом пальто, возвращалась из гостей. «Поздновато гуляешь, голубушка, — ругала она себя, аккуратно продвигаясь по скользкому асфальту темной арки к подъезду. — Засиделась чуть не за полночь».

Алиса Власьевна преувеличивала — время едва подбиралось к десяти, однако для старушки, крайне редко выбиравшейся куда-то, было уже поздно. Но подруга юности Василиса Артемьевна, или просто Васена, только вчера выписалась из больницы после инфаркта, и в беседах за чашкой чая они и провели весь вечер.

Четыре старые, «сталинской» постройки трехэтажки образовывали некое подобие «колодца», внутри которого располагался небольшой дворик с игровой площадкой и парковкой, заполненной машинами. Очень удобно — даже охраны не требовалось, из двора был только один выход — через длинную темную арку, и тот запирался на ночь при помощи кованых решеток с небольшой калиточкой в них. Ключ же хранился у Андрея Ильича — председателя товарищества собственников жилья. Управдома, как именовал он себя, а вслед за ним — и все жильцы.

Алиса Власьевна почти добрела до своего подъезда и остановилась буквально на секунду, перевести дух. Ее взгляд уперся во что-то темное, похожее на большой тук.

«Совсем обнаглели, лень до мусорного бака добраться и туда бросить!» — возмущенно подумала старушка, подслеповато щурясь и доставая из кармана очки, чтобы лучше рассмотреть странный предмет. Когда она, подойдя ближе, склонилась над тюком, из ее груди вырвался сначала возглас ужаса, а потом и вовсе истошный крик — снег вокруг был окрашен красным, что отчетливо просматривалось в исходящем из окна первого этажа свете. На крик из окна выглянул мужчина, узнал в вопящей старушке свою соседку и открыл форточку:

— Что случилось, Алиса Власьевна?

— Ва-ва-вадик... — еле выговорила она, осторожно отступая от зловещего свертка в сторону подъезда. — Вы-вызывай милицию...

— Да что случилось-то? — не мог понять сосед, однако трубку на столе нашарил. — Толком скажите.

— Тут, кажется... труп... — выпалила тонким, срывающимся голосом Алиса Власьевна и повалилась в снег.

АЛЕКСАНДРА

Проходит время — и наступают перемены.

ЯПОНСКАЯ ПОСЛОВИЦА.

— И тадакимасу!¹ — Я склонилась в почтительном поклоне, согнулась, почти коснувшись лбом татами. Сидеть на коленях было не очень удобно, но уже почти привычно.

Акела одобрительно хмыкнул, подхватил с подставки палочки-хаси и выразительно взглянул на меня. Ох, как же тяжело мне давались все эти его ритуалы, кто бы знал! Но я вот уже два года стараюсь делать все, чтобы порадовать мужа.

За это время много всякого случилось, Сашка перенес пару операций по пересадке кожи, и теперь его обожженное лицо приняло мало-мальски человеческий вид. Мы переехали в город из поселка — опять же, Сашка настоял, мотивируя это тем, что Сонечке, нашей шестилетней приемной дочке, в городе куда больше возможностей для развития. Тут сложно было спорить — возить ребенка каждый день на машине смысла не имело, да и папа мой тоже поддержал зятя. Продав коттедж, мы купили большую хорошую квартиру в старом районе города — «сталинку» с высокими потолками, — и Сашка почти полгода занимался там ремонтом, руководил нанятой бригадой строителей, оставив нас с Соней

¹ Традиционное японское приглашение к трапезе, идентично нашему «приятного аппетита».

на попечении отца. Я тоже не осталась без дела — засела за книги и написала-таки диссертацию, вернулась на работу, на свою любимую кафедру нормальной анатомии. От моей частичной парализации почти не осталось следа, да и левой рукой я научилась владеть почти так же отлично, как правой. Единственное неудобство состояло в том, что мне пришлось приложить немало усилий, чтобы научиться еще и трупы препарировать, держа скальпель в непривычной левой руке. Но и это я сумела преодолеть — нет ничего невозможного, я-то это точно знала.

Сашка же ушел от моего отца, решив вспомнить то, что хорошо умел и знал, — восточные единоборства. Он открыл клуб и набрал несколько групп учеников и теперь пропадал в небольшом полуподвальном помещении дни и вечера, а в выходные брал с собой на занятия и Соню.

Весь уклад жизни полностью изменился. Мы отказались от услуг домработницы — ну не то чтобы совсем, но, во всяком случае, приходила она теперь раз в неделю, делала генеральную уборку, а все остальное время мы с Соней поддерживали, как могли, чистоту. Я научилась готовить — тоже прогресс для меня, избалованной папиной дочки. Мне хотелось во всем потакать прихотям мужа, и потому я ухитрилась овладеть искусством японской кухни. Соня, видя, как и чем увлечен ее обожаемый папа, в котором она просто души не чаяла, довольно быстро освоила технику еды с помощью палочек-хаси, и даже мой отец, забирая ее на выходные к себе, удивлялся, как смог такой маленький ребенок научиться делать это так ловко и так быстро.

— Вы из нее что вырастить хотите? — грозно вопрошал мой родитель, возвращая нам дочь вечером воскресенья. — Гейшу?

— Папа! — предостерегающе начинала я, но Акела, сделав мне знак умолкнуть, спокойно отбивал папины нападки:

— Что дурного в том, чтобы девочка видела что-то еще, кроме традиционных вещей?

— Ну, то-то ты ее в свой клуб и таскаешь! Еще меч ей всучи!

— Захочет — возьмет сама, — отрезал Акела, и папа, только махнув рукой, умолкал, зная, что переспорить немногословного, но упорного зятя ему не удастся.

Финансовый вопрос у нас остро не стоял — я работала, Саша тоже, кроме того, вполне приличные суммы лежали на счетах в банках, но мы как-то сразу договорились не прикасаться к этим деньгам без особой нужды. И только с отцом спорить по этому вопросу оказалось невозможно — ежемесячно его телохранитель привозил крупную сумму для Сони. Эти деньги папа так и называл — «Сонькина стипендия». Отказываться мы пробовали, но мой отец был слишком крут нравом и слишком много прошел в жизни, чтобы не справиться с нами. Да и обижать его не хотелось — кроме меня и Сонечки, у него больше никого не осталось, только сестра, но она давно жила отдельно и к брату в гости не навещалась. Мои братья погибли по собственной глупости и слабости, а я выжила, хоть и оказалась изрядно потрепанной. Но рядом со мной всегда был муж, которого я не могла разочаровать таким простым выходом из запутанной ситуации, как смерть. И я — выкарабкалась. И теперь у нас дочь. Я чувствовала себя совершенно счастливой и состоявшейся, моя жизнь наконец-то обрела смысл, я сумела свить гнездо, и даже птенец у меня в нем появился, пусть и не родной по крови. Но, видимо, так уж было написано обо мне в Книге Судеб там, наверху, — я ведь и сама была не родной отцу. Он удочерил меня четырехлетней, но узнала я об этом случайно, будучи уже взрослой. За все это время ни разу ни папа, ни братья мне даже не намекнули на то, что я на самом деле не Гельман, как они. Для моей семьи я всегда была своей — любимой младшей сестренкой, которой можно доверить любой секрет с уверенностью, что он секретом и останется, любимой дочерью с характером мужским и упрямым, с которой можно обсудить любые дела

и знать, что поймет, не осудит, поддержит. Папа научил меня простому, но очень мудрому правилу — свой за своего. У меня ни на секунду не возникало сомнений в том, что только так и нужно жить.

Муж тоже разделял эту теорию, однако считал, что у меня — женщины — это не должно стоять на первом месте. Потихоньку, мягко, как-то совсем незаметно даже для меня, Сашка сумел воспитать во мне другое полезное умение — быть женой. Женой во всех смыслах этого слова, более того — практически в самурайских традициях. Если бы кто-то раньше сказал мне, что я стану спокойной, уравновешенной, буду говорить тихим голосом, не срываясь по каждой мелочи в крик, я ни за что не поверила бы. Мне, избалованной, воспитанной мужчинами практически без женского участия (брат-гомосексуалист не в счет), ближе были мотоциклы и огнестрельное оружие, нежели кухонная утварь и ведение домашнего хозяйства. Но Сашка как-то ненавязчиво сумел сделать так, чтобы я сама — сама! — захотела пересмотреть свою шкалу ценностей. Да и появление в доме Сони тоже оказало на меня сильное влияние.

Девочка первое время практически не воспринимала меня как взрослую: еще бы — худая, маленькая, носившая одно время короткую стрижку, я скорее походила на подростка, чем на серьезную преподавательницу. Да и на роль мамы годилась с огромной натяжкой. Со стороны, наверное, казалось, что у Акелы две дочери... Но со временем ситуация поменялась. Соня все чаще предпочитала мое общество Сашкиному, старалась как можно больше быть возле меня, крутилась в кухне, с интересом наблюдая за тем, как я учусь готовить что-то японское, помогала по мере сил. Мы вели с ней долгие разговоры, я рассказывала какие-то сказки, которые вспоминала из собственного детства, а Соня с каждым днем раскрывалась мне навстречу, и слово «мама», вырвавшееся у нее во время первого новогоднего утренника в детском образовательном центре, куда я водила ее, было для меня лучшей наградой

за все. Точно так же в свое время я ждала от мужа — тогда еще не мужа — слов любви...

Мы стали жить чуть скромнее финансово — и не потому, что денег не было, просто мой Акела наконец получил возможность делать то, что хочет лично он, а не те, кто нанимал его на работу. А он был просто помешан на традициях средневековой Японии, и потому в квартире у нас царил мебельный минимализм, Соня воспитывалась строго, хотя и в огромной любви и внимании. Баловать ее мы как-то сразу не стали, и только папа нарушал установленный порядок, задаривая единственную внучку подарками. Запретить ему делать это мы были не в силах, и даже Акела молча махнул рукой, понимая, что переделать тестя на свою колюшку не сможет.

— Ладно, пусть, — скупно бросил он мне, давая понять, что не одобряет, но и противиться не будет.

В общем, наша жизнь оказалась счастливой, спокойной и вполне удовлетворявшей нас обоих.

Неожиданно для меня Акела вдруг увлекся новым видом — тэссен-дзюцу, искусством боя на металлических веерах-тэссенах.

— Как это? — с недоумением спрашивала я, разглядывая странный предмет, ничем не напоминавший грозное оружие.

— А-ля, веер — не орудие нападения. Это — защита.

— В смысле?

— В прямом. Им невозможно убить — если, конечно, не махнуть по сонной артерии. — Едва улыбнувшись, Сашка забрал у меня веер и, раскрыв, показал острый край: — Вот этим.

— Но это же сложно.

— Для этого есть специальная техника. Мой первый учитель был единственным в стране мастером тэссен-дзюцу. Не знаю, как сейчас, а в то время — да, единственным. Да и сэн-

сэй Табанори, к которому я езжу в Осаку, считается лучшим мастером этого вида боя. Почему-то сегодня ему уделяют мало внимания, наверное, дело в том, что техника изготовления боевых вееров практически утрачена.

Я не могла понять одного — ну, зачем ему еще и это? Ведь и так — шест бо¹, кэндзюцу², куда еще-то? Ведь это время... Сашка не мог относиться к делу поверхностно, если брался за что-то, то доводил до идеального состояния, следовательно, все свободное время теперь будет уходить на изучение техники боя на веерах. Я и так редко вижу его. Но что поделать — таков уж Акела.

Наша трехкомнатная квартира в старом «сталинском» доме напоминала скорее музей, чем жилище. У Акелы имелась обширная коллекция старинного японского оружия, множество ценных гравюр и настоящие боевые самурайские доспехи. О существовании многих вещей я даже не догадывалась, выходя за него замуж, хотя о коллекции мечей он рассказал мне как-то. Это был подарок за верную службу от одного из его прежних «работодателей» — когда-то давно мой муж был телохранителем очень высокого класса, а в случае надобности мог легко решить любые проблемы — даже кардинально и... э-э-э... не совсем законно.

И была в этой коллекции пара мечей, которой Сашка дорожил особенно — подарок его первого учителя, сэнсэя, как он его называл. Этими мечами в черных лакированных ножнах он мог любоваться часами, бережно протирать их специальным материалом, сдувать пылинки. Даже мне было

¹ Деревянный шест длиной до 6 сяку (ок. 182 см) и диаметром 3 см, используемый в некоторых боевых техниках как орудие защиты.

² Искусство владения мечом.